

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. ПРИШВИНА

DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-6-17

Е. А. Худенко¹

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

М. ПРИШВИН И А. ХЕЙДОК: ДИАЛОГ О МАНЬЧЖУРИИ, ЧЕЛОВЕКЕ И ИСТИНЕ («ЖЕНЬ- ШЕНЬ» И «ЗВЕЗДЫ МАНЬЧЖУРИИ»)

Статья посвящена рассмотрению явления литературной «синхронии» – когда в одно и то же время возникает явление философского и поэтологического тождества в текстах авторов, никогда не пересекавшихся с друг другом в жизненном пространстве. Сравнительно-сопоставительный анализ знаменитой повести М. Пришвина «Жень-шень» и малоизвестного сборника рассказов А. Хейдока «Звезды Маньчжурии» позволяет утверждать, что творческие поиски авторов развивались в одном ключе. Через постижение восточной природы и восточной философии писатели приходят к идее о единстве всего живого и взаимосвязанности всего со всем в едином потоке Бытия. Одинаково значимую роль в обоих текстах занимают картины неоромантической природы, мотивы побега из реальности, музыки, поисков идеального женского начала, «ключей счастья» и истины человеческого существования. Всё это позволяет по-новому осмыслить не только пришевское творчество, но и литературный процесс 1930-х годов в единстве двух ветвей – метрополии и восточной линии «первой волны» русской эмиграции.

Ключевые слова: Пришвин, Хейдок, жень-шень, литературная синхрония, Маньчжурия

E. A. Khudenko

Altai State Pedagogical University (Barnaul)

M. PRISHVIN AND A. HAYDOCK: A DIALOGUE ABOUT MANCHURIA, MAN AND TRUTH (“ZHEN- SHEN” AND “STARS OF MANCHURIA”)

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of literary «synchrony» – contemporaneous appearance of the phenomenon of philosophical and poetical identity in the texts of authors who never crossed with each other in the living space. A comparative analysis of the famous novel by M. Prishvin “Ginseng” and the little-known collection of short stories by A. Haydock “The Stars of Manchuria” suggests that the creative searches of the authors developed in the same way. Through the comprehension of eastern nature and Eastern philosophy, writers

¹ Елена Анатольевна Худенко – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), helenahudenko@mail.ru.

come to the idea of the unity of all living things and the interconnectedness of everything with this in a single stream of Being. Paintings of neo-romantic nature, motives of escape from reality, music, the search for the ideal feminine principle, the “keys of happiness” and the truth of human existence play an equally significant role in both texts. All this allows us to understand in a new way not only the Prishvin creativity, but also the literary process of the 1930s in the unity of two branches – the metropolis and the eastern line of the «first wave» of Russian emigration.

Key words: Prishvin, Haydock, Ginseng, literary synchrony, Manchuria

Контекстуальные переключки философско-эстетических поисков М. М. Пришвина с теми или другими писателями изучаются на протяжении многих лет. Так, целый пласт работ посвящен влиянию на его писательство «великих классиков» – Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого [Исупов, 1982; Киселев, 1985 и др.], отдельно рассматриваются творческие диалоги писателя со своими современниками – прежде всего М. Горьким [Подоксенов, 2012; Худенко, 2013] и В. Розановым [Подоксенов, 2010]. Выявлена взаимосвязь философии и поэтики пришвинского творчества с явлением русского космизма [Гордиенко, 1980; Бальбуров, 1994; Апанович, 2004], с традициями русского религиозного возрождения [Дворцова, 1993; Кнорре, 2019], реконструированы элементы неомифологизма [Борисова, 2004].

В данной статье остановимся на таком любопытном и малоизученном явлении, как литературная «синхрония» – когда в текстах двух разных авторов, никогда не встречавшихся друг с другом, возникает концептуальная и поэтологическая тождественность. Эта синхрония случайным и одновременно не случайным образом проявляется в двух произведениях – знаменитой повести М. М. Пришвина «Жень-шень», которую часто называют «жемчужиной» творчества писателя, и малоизвестным сборником рассказов А. Хейдока² «Звезды Маньчжурии». Кроме того, явление литературной «синхронии» уже выявлено пришвиноведами, причем, создателем этой «синхронии» являлся сам Пришвин, который дал авторизованный перевод (собственный пересказ) книги канадского писателя индейского происхождения Вэша Куоннезина «Серая Сова». Первая часть этого авторского перевода была названа писателем синонимично своей собственной первой книге – «Путешествие в страну непуганых птиц и зверей», а сам рассказ Пришвина о детстве индейца Серой Совы воплощал его детскую несостоявшуюся мечту побывать у индейцев [Серая Сова, 1939].

Обратимся первоначально к малоизвестному тексту Альфреда Хейдока. Сборник рассказов «Звезды Маньчжурии» (1934) предваряется предисловием Николая Рериха, который счел эту книгу «ценным вкладом в литературу новой страны» [Хейдок, 1994, с. 7]. Рерих отмечал, что в рассказах Хейдока присутствуют

---

² Альфред Хейдок (1892–1990) – русский писатель, публицист, сторонник учения о Живой Этике Николая и Елены Рерих. Его потрясающая судьба и биография может стать сюжетом фантастической и мистической книги, Последние годы жизни Хейдок провел в городе Змеиногорске Алтайского края, где и скончался, – что стало основанием для включения его имени в антологию об образе Алтая в русской литературе [Марьин, 2012, с. 240]. Произведения Хейдока издаются активно только в последние годы, в 2017 году в 7 томе «Истории российской фантастики» его тексты напечатаны вместе с произведениями Александра Беляева.

«внутренние зовы», которые «пробуждаются на древних просторах, написанных славою прошлого» [Хейдок, 1994, с. 7]. Мыслитель относил это явление к глубинным слоям реальности, связанным с «высокими представлениями». Иначе говоря, к тому, что некогда Ф. М. Достоевский определил как реальность в ее «высшем смысле», т. е. метафизическом.

Явление литературной «синхронии» базируется в данном случае на многих факторах. Во-первых, оба произведения выходят из печати в одном и том же году – 1934. Во-вторых, они написаны на одном и том же материале – Пришвин посещает Дальний Восток и Маньчжурию в течение четырех месяцев 1931 года, Хейдок оказывается в этих краях волею судьбы – как член белогвардейского сопротивления сначала в отряде Колчака, а затем Унгерна фон Штернберга, в 1922 году писатель эмигрирует в Харбин, где и создается сборник и происходит встреча с Рерихом.

Кроме того, книги содержательно «зеркалят» друг друга прежде всего в идейно-тематическом плане. Основная мысль как Пришвина, так и Хейдока связана с идеей поиска «ключей счастья» – смысла человеческого существования, которое приносило бы ощущение радости бытия, а не только бесконечных страданий. Заметим, что поиски «ключей счастья» стали одной из лейтмотивных тем «новой» советской литературы 1930-х гг., причем как в творчестве писателей, сочувствующих советской власти и ее «попутчиков» (например, роман М. М. Зощенко «Перед восходом солнца», вышедший в 1943 году, имел первоначальное название «Ключи счастья»), так и ее противников (Хейдок). Идея поисков «ключей счастья» сопрягалась, с одной стороны, с общей мифологизацией новых явлений советской действительности [Куляпин, 2013], с другой – реализовывала архетипические устремления человечества к бессмертию, преодолению конечности земного бытия.

В сюжетном плане тексты также похожи. Оба произведения начинаются с мотива «ухода» (бегства) героев-рассказчиков с войны. У Пришвина герой дезертирует с русско-японской войны 1904 года: «Подумав немного, я, химик-сапер, вооруженный одним револьвером, выбрал трехлинейку получше, набрал в свой ранец патронов побольше и не стал догонять свою часть. Я был самый усердный студент-химик, меня сделали прапорщиком, я долго терпел и, когда воевать стало бессмысленно, взял и ушел, сам не зная куда. Меня с малолетства манила неведанная природа. И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай. Нигде у себя на родине я не видел такого простора, как в Маньчжурии...» [Пришвин, 2006, с. 591–592].

В сборнике Хейдока герой покидает поля сражений в Гражданскую, после поражения белогвардейской армии и у него нет возможности вернуться в западную часть России. О таких «оставленцах» автор говорит следующее: мы «солдатскими сапогами месили галицийские поля на великой войне; потом вернулись к отцовским очагам и не нашли ни очагов, ни отцов, а узнали, что сами они буржуи и враги народа» [Хейдок, 1994, с. 42–43].

Другой сквозной для обоих произведений сюжетный мотив – поиск чуда, некоей «тайны» жизни. Пришвинский герой отправляется за «корнем жизни» в Маньчжурские края с целью не столько найти свой жень-шень, сколько познать истинную, сокрытую сущность бытия. То же самое делает и герой (или героиня) Хейдока. Уже с первых страниц сборника автор-повествователь заявляет о некоем «чуде», которого он ожидает на своем жизненном пути. Это чудо, непостижимая «тайна» является то в виде отсроченной смерти («Три осечки»), то в виде образа возлюбленной из прошлой жизни («Маньчжурская принцесса»), то в виде призрака, предупреждающего о смерти («Призрак Алексея Бельского») или несущего весть о счастье («Нечто»).

При этом подобные метафизические поиски сопряжены как у Пришвина, так и Хейдока с неоромантическими устремлениями, столь не частыми в ранней советской литературе 1930-х гг. и часто выступающими в структуре обоих произведений как некая идейная антитеза тому, что происходит в настоящем. Герой Пришвина ищет свою мечту об идеальной любви и находит ее в образе прекрасной самки марала Хуа-лу, глаза которой он сравнивает одновременно с прекрасным цветком и с глазами любимой женщины. Герой же Хейдока ищет «прирожденное человеку томление духа по прекрасному», и оно является в образе женщины: или маньчжурской принцессы из династии Цин, или прекрасной монголки Зеллы, или русской вдовы Аксиньи: «... не была ли женская и материнская любовь тем семенем, из которого – из века в век – росла и развивалась мысль о любви всечеловеческой?» – так рассуждает герой в рассказе «Песнь Валгунты» [Хейдок, 1994, с. 121]. В данном случае значимо, что этот идеальный образ несет для обоих писателей одновременно эротическое и материнское начала, восходящие к единому всетворческому потоку самой жизни и сотворенного бытия.

Несомненно, что пейзажные зарисовки в обоих произведениях выполнены в романтическом ключе с целью создания «иных» миров, противостоящих жестокости материальной действительности. Хейдок обрисовывает более обширное пространство по сравнению с Пришвиным, это связано с особой ролью повествователя в сборнике – он путешественник, русский скиталец – то максимально близкий автору, то замененный на рассказчика (прапорщик Ростовцев, художник Кострецов, волонтер из русского отряда Чжан-Цзучана и др.).

Герои в сборнике Хейдока калейдоскопически сменяются, носят различные имена – Багров, Жданов, Агнивцев, Кострецов. Большинство сюжетных коллизий *вспоминаются* повествователем, человеком высокообразованным, филологом, убежденным противником нового режима, человека свободного и ищущего духовное «пристанище». Он ведом «тоской, ностальгией или как еще ее там называют...». Именно такая точка зрения, выбранная автором, позволяет создавать пейзажи, максимально напоминающие по характеру пришвинские лирико-философские зарисовки и миниатюры: «Дымчатыми струйками курилась падь за ближайшим холмом, а с бурых полей, откуда мы днем свозили снопы, несло одинокое – “пи-ит”, “пи-ит” – какой-то ночной птицы. Густо-голубые

сумерки точно вырастали, струились из самой земли; они окутывали дальние горы, становясь всё более фиолетовыми и, казалось, даже проникали во внутрь меня, наполняя мое сознание» [Хейдок, 1994, с. 142]. Сравним с пришвинской зарисовкой в «Жень-шени»: «Теперь я шел берегом моря на юго-запад, куда выходили три красивейшие пади Туманной горы – Голубая, Запретная и Барсова. В глубине каждой из них бежит ручей, создатель самой пади от верху до низу; по ручью внизу, под укрытием от всех ветров, кроме южного с моря, сохраняются драгоценные реликты отдаленных эпох; а наверху, на ребрах падей, задорно играя с тайфунами, красуются погребальные сосны» [Пришвин, 2006, с. 625]. Разумеется, отличаются типы пейзажей, однако жанрово-стилистическая доминанта в воссоздании картин природы тождественна.

Главный герой сборника Хейдока неизбежно следует за своей мечтой, смысл которой он не может до конца понять и оформить. Однако эта мечта прокладывает ему дорогу к некоей благодатной земле, «земному Раю», только рай этот – не Беловодье и не затерянный Китеж-град (как в ранних книгах Пришвина), не мараловодческий заповедник (как в повести «Жень-шень»), а отроги Северо-Восточного Китая, пустыня Гоби и маньчжурские сопки: «В моих представлениях пределы возможного легко и удобно расширились до границ невероятного и с легкостью горной козы перескочили их: тут хмурый Хинганский хребет облекался в голубые туманы, прорезываясь сверкающей сталью струй; таинственные тропы уводили к священным озерам охотничьих племен – тех, кто завертывает маленьких кумиров в бересту и прячет их на раскидистых деревьях; дальше появлялся охотничий пир вокруг убитого лося, и лесные жители протягивали нам куски дымящегося мяса с жировыми прослойками, способного в два счета вернуть нам утраченную радость бытия; а из чащи за нами, может быть, будут следить глаза женщин, никогда не знавших культуры, но сведущих в древней науке любви...» [Хейдок, 1994, с. 138].

Подчеркнем, что несколькими разными путями – Михаил Пришвин через натурфилософию, Альфред Хейдок через смешение буддизма с христианством и принципами «живой этики» Рериха – художники приходят, в общем-то, к одному и тому же – к постижению «таинственных» связей внутри Вселенной. У Пришвина: «Я не мог устоять против этого внушения веры, и как все равно на берегу морском отдавался на волю какого-то большого планетного времени, так точно теперь отдельные жизни человеческие были мне как волны, и все они ко мне, живому, катились, как к берегу, и как будто просили понимать силу корня не по себе самому (курсив здесь и далее наш. – Е. Х.), которого скоро тоже размоет, а в сроках планетного и, может быть, еще и Дальнейшего времени» [Пришвин, 2006, с. 615]. У Хейдока: «Жизнь – она везде – таинственное сплетение влияний одного человека на другого в присутствии окружающей природы или вещей, которые также пронизывают нас исходящими из них силами...» [Хейдок, 1994, с. 141]. Несомненно, что авторские поиски того и другого писателя отсылают к философской категории Всеединства мироздания [см.: Борисова, 2004].

Уникальным по созвучию пришвинским поискам является рассказ Хейдока «Тропа»³, где практически повторяется одна из любимых Пришвиным мыслей о том, что малая тропинка прокладывает дорогу всем остальным, вслед идущим, – как символ единения разных судеб и жизненных потоков. Повесть «Женьшень» начинается с фольклорно-сказочного мотива – герой видит вырезанную на дереве запретную надпись: «Твоя ходи нельзя, чики-чики будет!» [Пришвин, 2006, с. 593] и, соблюдая «таежный декрет», ищет другую тропинку. Так и герой Хейдока размышляет о том же, но несколько в ином ключе: «В его мозгу сформировалась стройная мысль. «Большая проезжая дорога, – резюмировал он, – это одно дело: человек знает, куда идет и что будет впереди; другое дело – лесная тропинка, уводящая в волнующую неизвестность: она может никуда не привести, раздваиваться, свернуть внезапно в сторону, но зато все время она будет держать двигающегося по ней в настороженном напряжении, неизвестности, и в том – ее восхитительная прелесть!..» [Хейдок, https://bookscafe.net/book/heydok_alfred-zvezdy_manchzhurii-251959.html, с. 42].

Симметричными представляются поиски авторов и в области «родственного» внимания к природному миру. Способность Пришвина запечатлевать каждое мгновение, уникальность и единство деталей окружающего мира не раз становилась предметом внимания исследователей как одна из доминант его художественного мышления [Холодова, 2000; Качалова, 2011]. Этой же способностью обладает и повествователь Хейдока. Увлечение буддизмом приводит к героя к мыслям о равнозначности всего сущего на земле, он обращается к принципам сансары, периодически ощущает состояние нирваны от созерцания природного мира. Так, например, описывается сцена охоты Агнивцевым на кабана. Во время охоты герой отвлекается и рассматривает перевернувшегося вверх лапками жука: «Агнивцеву пришла совсем далекая от охоты мысль: что теперь должен испытывать жук? Не кажется ли ему, что он скользит крючьями своих лапок по голубому небу, которое должно ему представляться скользкой и непонятной землей, ибо – видел ли жук когда-либо небо, если допустить, что он сегодня перевернулся в первый раз?

Агнивцев нагнулся к трепетному узору теней на лужайке и положил жука на ладонь, но тот неожиданно выпустил скрытые под броней крылья и улетел, наполнив воздух густым гудением, точно провели смычком по струне контрабаса» [Хейдок, https://bookscafe.net/book/heydok_alfred-zvezdy_manchzhurii-251959.html, с. 42].

Последнее – музыкальное – сравнение в контексте сборника совсем не случайно. И Пришвин, и Хейдок сформировались под одним и тем же влиянием – символистской неоромантической идеи о музыке как способе сотворения бытия, восходящей к известным убеждениям Ф. Ницше и Р. Вагнера, к «музыке небесных

³ Состав сборника рассказов Хейдока менялся. В первом издании 1934 года сборник состоял из 16 рассказов. Впоследствии, например, в издании 1994 года, состав сборника сокращен до 14 рассказов. Отсутствуют «Тропа» и «Шествие мертвых», поэтому цитаты из них приводятся по электронной версии, воспроизводящей первоначальное издание. В издании 2011 года (Владивосток, альманах «Рубеж») 15 текстов, отсутствует рассказ «Миами».

сфер» Платона. В тексте Хейдока упоминается и музыка Чайковского, и гавайская мелодия, и какофонический вой собак, и «Пляски смерти» Сен-Санса: «В жуткой “Пляске Смерти” Сен-Санса часы бьют полночь, а затем раздаются глухие шаги шествующей Смерти. В лунном сиянии валяются кресты, могилы раскрываются, выходят скелеты и в полных загробной скорби звуках изливают невыразимую в словах тоску по отлетевшей жизни: еще раз они живут эхом далеких воспоминаний. Пораженное неизбывной тоской кладбище корчится и завывает в истомной муке...» [Хейдок, 1994, с. 155].

Не раз подчеркивалось знание и увлечение Пришвина музыкой (писатель блестяще играл на мандолине, был лично знаком с Ф. Шаляпиным, Е. Мравинским), однако в повести «Жень-шень» музыка – не плод человеческого творчества, это музыка самой природы, самой жизни, ее торжества и созидания («шелест жизни»). В сравнительном плане Хейдок здесь более литературен, намеренно «вторичен». Помимо музыкальных аллюзий, он нередко прибегает к открытым реминисценциям из русской классики. Так, рассказ «Три осечки» реконструирует сюжет лермонтовского «Фаталиста», название музыки Сен-Санса отсылает к одноименному циклу А. Блока. Также присутствуют цитаты из Ф. Тютчева, аллюзии на пушкинский сюжет «Капитанской дочки», общее состояние безумия близко к андреевскому «Красному смеху», некоторые фрагменты напоминают шолоховские сюжеты первых книг «Тихого Дона» (и не потому, что Хейдок был знаком с ними, а потому, что у них общий предмет изображения – Гражданская война).

В повести Пришвина, как указывается исследователями [Ли, 2021], особое место занимает фигура китайца Лувена, который является проводником автора, его Вергилием. По дневниковым записям известно, что образ писался с реального прототипа – китайца Ювен Юна. Именно этот персонаж становится «проводником» в тайны «корня» жизни, в глубины познания сущности бытия. По замечанию исследователя Ли Гэнь, «в архетипической фигуре «древнего мудреца», хранителя многовековой памяти предков и их первобытных верований, автор сосредотачивает свои представления о специфике восточной культуры» [Ли, 2021, с. 143]. У Хейдока истинный «проводник» Духа вынесен во внетекстовое пространство – это фигура Рериха, который читал произведения Хейдока, был восхищен ими, написал предисловие 11 сентября 1934 года, издал в нью-йоркском издательстве «Алатас», находящимся под его патронажем.

Однако само воссоздание «восточных» персонажей – представителей местного населения – у Хейдока выполнено прямо противоположным образом, чем у Пришвина. Всё азиатское рассказчику ненавистно, это испытание, которое ему приходится пройти, и насильственность этого процесса невольно порождает негативную оценку. Даже описание верблюда сопровождается эпитетом «уродливый» дважды в одном предложении («Груженные верблюды высоко несли *уродливые* головы с застывшим презрением на *уродливых* губах»), а в рассказе «Собаки воют» иронично высмеивается невежество местных азиатов –

они принимают простую кружку Эсмарха за божественный предмет, якобы помогающий в деторождении. В рассказе «Неоцененная добродетель» читатель встречается с персонажем Лао Ку – бедным, нищенствующим китайцем, который не попрошайничает, а ждет, что лодочники подадут милостыню в виде остатков пищи на дне посуды. Однако смирение и терпение китайца не вознаграждено – вся еда съедена, жадные лодочники не оценили его добродетельное поведение.

Более того, своеобразным антагонистом пришвинского Лувена в хейдоковском тексте выступает историческое лицо – барон Унгерн фон Штернберг, совсем не азиатского происхождения, «аскет-отшельник», «пират», рядящийся в маску «шута», «даурский барон», «лаосский полководец», задумавший восстановить империю Чингисхана. Повествователь сравнивает его с сатаной, трикстером, который посягнул на мировое господство, но не справился с ним: «Имя Унгерна носил худой человек. У него были усы скандинава и душа “берсеркера” <...> Душа тосковала. Смотрела жадными глазами в сторону пустыни и рвалась с цепей... Он сбросил цепи, когда в Россию пришло Великое Безумие... Он оставил кроткого Христа, потому что ему ближе было друидическое поклонение силам Земли, Одину, Валгалле и страшилищам – кумирам Тибета.

Одного он никогда и никому не прощал – нарушения его законов» [Хейдок, 1994, с. 130].

В сюжетной линии, связанной с воссозданием образов восточного мира, два текста начинают «расходиться»: то, что давало европеизированному пришвинскому герою дополнительное основание для его глубинного постижения жизни – способность восточных людей наблюдать, созерцать мир, не вмешиваясь в него, а постигая онтологическую мудрость Всебытия, – у Хейдока показано как торжество азиатчины, варварство, которое сметает всё на своем пути и которое можно принять только по одной причине – если оно «сметёт» и большевиков.

И если у Пришвина повесть заканчивается обретением Истины, постижением органически творческого характера всего бытия – будь то тяжелый физический труд, духовное самосовершенствование или любовь к женщине, то рассуждения Хейдока неоднородны и выглядят не столь обнадеживающе. Один из финальных рассказов сборника с романтическим названием «Таежная сказка» на самом деле повествует о золотых приисках, о добыче золота, которое поможет каждому из персонажей осуществить мечту – о парикмахерском салоне в Париже или отдыхе под гавайскую музыку на берегу океана. «Сказка» у Пришвина становится былью, сказка у Хейдока пока недостижима, это мечта.

Сущностная переключка философских размышлений писателей заключается в выстраивании главной идеи: человек живет для того, чтобы познавать, самосовершенствоваться и совершенствовать всё окружающее по мере своих сил. Пришвин аккумулирует эту истину через образ-символ корня жизни: «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Жень-шень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости,

радости, счастья!» [Пришвин, 2006, с. 663–664]. Хейдок постигает Истину – свой «корень жизни» – через мистические сюжеты о прошлых воплощениях, через сны и воспоминания героев, а также путем создания эзотерически-космических пейзажей в духе своего учителя Рериха: «Но нигде ты не увидишь такого ясного неба, и нигде утро не дышит таким спокойствием, как в Гуйчжоу, ибо именно там, в недосыгаемой высоте, находится царство мертвых, куда отлетает дух после смерти человека...

Много отшельников живет в горах, и много обитателей основали там монахи ордена фа-ши: ведь там нет соблазнов и легче человеку следовать по великому пути Дао, ведущему к истине» [Хейдок, https://bookscafe.net/book/heydok_alfred-zvezdy_manchzhurii-251959.html].

Отличие книг Пришвина и Хейдока заключено в «веерном» толковании одного и того же – у обоих авторов онтологическое бытие гармонично и едино, но человек готов лишь страдать, а не радоваться этому миру. Пришвин в этом отрезке своего писательского и творческого пути осуществляет прорыв в виталистическую философию, а Хейдок в силу сложившихся жизненных обстоятельств и социально-исторических причин постулирует жизнь и смерть как путь и временную остановку в общем духовном странствии.

Писатели никогда не пересекались на жизненном пути. Более того, в биографическом плане они как бы «следовали» друг за другом, сами того не подозревая: Хейдок уезжает из Маньчжурии и начинает писать рассказы об этом крае в 1931 году – именно в тот период, когда Пришвин отправляется на Дальний Восток. Одновременный выход книг прокладывает для читателей путь к их диалогу. Определяются ли эти поиски как варианты одного и того же – как «живая этика» в духе Рериха или как философия «русского космизма» в духе Вернадского и Циолковского, но этот (не)состоявшийся диалог позволяет по-новому взглянуть на творческую индивидуальность и немалую тождественность художественных миров Пришвина и Хейдока, реконструировать смысловое поле между малодоступными (неизученными) и известными (растиражированными) литературными текстами середины 1930-х годов – как в метрополии, так и «восточном» крыле русской эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апанович, Ф. Эволюция образа Всечеловека в творчестве Михаила Пришвина / Ф. Апанович // Философия космизма и русская культура: материалы международной научной конференции «Космизм и русская культура. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова». 23–25 октября 2003 г. – Белград, 2004. – С. 45–48.

Бальбуров, Э. А. А. Платонов и М. Пришвин: две грани русского космизма / Э. А. Бальбуров // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1994. – С. 111–127.

Борисова, Н. В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина / Н. В. Борисова. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. – 227 с.

Гордиенко, Л. Н. Вернадский и Пришвин. Взаимодействие научного и художественного сознания в формировании эстетического чувства природы / Л. Н. Гордиенко // Вестник МГУ. – Серия 7. Философия. – 1980. – № 1. – С. 58–66.

Дворцова, Н. П. М. Пришвин и русское религиозное возрождение XX в. (К постановке проблемы) / Н. П. Дворцова // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 1993. – № 1. – С. 3–11.

Исупов, К. Г. Две модели творческого поведения: (Достоевский – Пришвин) / К. Г. Исупов // Проблемы творчества Достоевского: Поэтика и традиции. – Тюмень: ТюмГУ, 1982. – С. 77–87.

Качалова, М. П. «Дневники» М. М. Пришвина: понятие родственного внимания / М. П. Качалова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Т. 1 (3). – 2011. – С. 53–62.

Киселев, А. Л. Пришвин и русские писатели XIX в.: учебное пособие по спецкурсу «Пришвин и русская литература. Предпосылки концепции «творческого поведения художника» в опыте писателей-классиков» / А. Л. Киселев. – Куйбышев: КГПИ, 1985. – 69 с.

Кнорре, Е. Ю. Сюжет «пути в невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. дис... канд. филол. наук. Специальность 10.01.01 – Русская литература / Е. Ю. Кнорре. – Москва: ИМЛИ им. Горького, 2019. – 250 с.

Куляпин, А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Куляпин, О. А. Скубач. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 240 с.

Ли, Г. Геокультурный образ Маньчжурии в повести М. Пришвина «Женьшень» / Г. Ли // Litera. – 2021. – № 4. – С. 135–144. –URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35230. (дата обращения: 03.02. 2023).

Марьин, Д. В. Альфред Петрович Хейдок / Д. В. Марьин // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология. Т. 5: 1970–1980 гг. – Барнаул: Издат. Дом «Барнаул», 2012. – С. 240.

Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Максим Горький: тайна прототипа огородника Крыскина в повести «Мирская чаша» / А. М. Подоксенов // Подоксенов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 208–256.

Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Василий Розанов: мировоззренческий контекст творческого диалога / А. М. Подоксенов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 395 с.

Пришвин, М. М. Жень-шень / М. М. Пришвин // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. – Москва: Терра-Книжный клуб, 2006. – С. 589–676.

Серая сова / Редактор и автор адаптации М. Пришвин. – Москва: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. – 256 с.

Хейдок, А. Звезды Маньчжурии / А. Хейдок // Хейдок А. Огонь у порога. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994. – С. 5–178.

Хейдок, А. Звезды Маньчжурии. – URL: https://bookscafe.net/book/heydok_alfred-zvezdy_manchzhurii-251959.html (дата обращения: 03.02.2023).

Холодова, З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина: содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова. – Иваново: ИВГУ, 2000. – 296 с.

Худенко, Е. А. М. Пришвин о М. Горьком: «несвоевременные мысли» в эпоху пролетарского искусства / Е. А. Худенко // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 35–44.

REFERENCES

Apanovich, F. Evolyuciya obraza Vsecheloveka v tvorchestve Mihaila Prishvina / F. Apanovich // *Filosofiya kosmizma i russkaya kul'tura: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kosmizm i russkaya kul'tura. K 100-letiyu so dnya smerti Nikolaya Fedorova»*. 23–25 oktyabrya 2003 g. – Belgrad, 2004. – S. 45–48.

Bal'buurov, E. A. A. Platonov i M. Prishvin: dve grani russkogo kosmizma / E. A. Bal'buurov // *Rol' tradicii v literaturnoj zhizni epohi. Syuzhety i motivy*. – Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 1994. – S. 111–127.

Borisova, N. V. Mifopoetika vseedinstva v filosofskoj proze M. Prishvina / N. V. Borisova. – ELEC: EGU im. I. A. Bunina, 2004. – 227 s.

Dvorcova, N. P. M. Prishvin i russkoe religioznoe vozrozhdenie XX v. (K postanovke problemy) / N. P. Dvorcova // *Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 9. Filologiya*. – 1993. – № 1. – S. 3–11.

Gordienko, L. N. Vernadskij i Prishvin. Vzaimodejstvie nauchnogo i hudozhestvennogo soznaniya v formirovanii esteticheskogo chuvstva prirody / L. N. Gordienko // *Vestnik MGU. – Seriya 7. Filosofiya*. – 1980. – № 1. – S. 58–66.

Hejdok, A. Zvezdy Man'chzhurii / A. Hejdok // Hejdok A. Ogon' u poroga. – Magnitogorsk: Amrita-Ural, 1994. – S. 5–178.

Hejdok, A. Zvezdy Man'chzhurii. Elektronnyj resurs: https://bookscafe.net/book/heydok_alfred-zvezdy_manchzhurii-251959.html. – Zaglavie s ekrana (data obrashcheniya: 03.02.2023).

Holodova, Z. Y. Hudozhestvennoe myshlenie M. M. Prishvina: sodержanie, struktura, kontekst / Z. Ya. Holodova. – Ivanovo: IvGU, 2000. – 296 s.

Hudenko, E. A. M. Prishvin o M. Gor'kom: «nesvoevremennye mysli» v epohu proletarskogo iskusstva / E. A. Hudenko // *Mihail Prishvin i XXI vek: materialy Vserossijskoy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya*. – ELEC: EGU im. I. A. Bunina, 2013. – S. 35–44.

Isupov, K. G. Dve modeli tvorcheskogo povedeniya: (Dostoevskij – Prishvin) / K. G. Isupov // *Problemy tvorchestva Dostoevskogo: Poetika i tradicii*. – Tyumen': TyumGU, 1982. – S. 77–87.

Kachalova, M. P. «Dnevniki» M. M. Prishvina: ponyatie rodstvennogo vnimaniya / M. P. Kachalova // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. – 2011. – T. 1 (3). – S. 53–62.

Kiselev, A. L. Prishvin i russkie pisateli XIX v.: uchebnoe posobie po spekursu «Prishvin i russkaya literatura. Predposylki koncepcii «tvorcheskogo povedeniya hudozhnika» v opyte pisatelej-klassikov» / A. L. Kiselev. – Kujbyshev: KGPI, 1985. – 69 s.

Knorre, E. Y. Syuzhet «puti v nevidimyj grad» v tvorchestve M. M. Prishvina 1900–1930-h gg. : dis. ... kand. filol. nauk. Special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura / E. YU. Knorre. – Moskva: IMLI im. Gor'kogo, 2019. – 250 s.

Kulyapin, A. I. Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj epohi / A. I. Kulyapin, O. A. Skubach. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013. – 240 s.

Li, G. Geokul'turnyj obraz Man'chzhurii v povesti M. Prishvina «Zhen'-shen'» / G. Li // Litera. – 2021. – № 4. – S. 135–144. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35230. – Zaglavie s ekrana (data obrashcheniya: 03.02. 2023).

Mar'in, D. V. Al'fred Petrovich Hejdok / D. V. Mar'in // Obraz Altaya v russkoj literature XIX-XX vv. Antologiya. T. 5: 1970–1980 gg. – Barnaul: Izd-vo Dom «Barnaul», 2012. – S. 240.

Podoksenov, A. M. Mihail Prishvin i Maksim Gor'kij: tajna prototipa ogorodnika Kryskina v povesti «Mirskaya chasha» / A. M. Podoksenov // Podoksenov A. M. Hudozhestvennyj mir Mihaila Prishvina v kontekste mirovozzrencheskogo diskursa russkoj kul'tury XX veka. – Elec: EGU im. I. A. Bunina. ; Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2012. – S. 208–256.

Podoksenov, A. M. Mihail Prishvin i Vasilij Rozanov: mirovozzrencheskij kontekst tvorcheskogo dialoga / A. M. Podoksenov. – Elec: EGU im. I. A. Bunina, Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2010. – 395 s.

Prishvin, M. M. Zhen'-shen' / M. M. Prishvin // Prishvin, M. M. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 2. – Moskva: Terra-Knizhnyj klub, 2006. – S. 589–676.

Seraya sova / Redaktor i avtor adaptacii M. Prishvin. – Moskva: Detizdat CK VLKSM, 1939. – 256 s.